

А. С. Смирнов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

УДК 902 (470+430)

ББК 63.401(2)+63.401 (4Гем)

Статья посвящена взаимодействию ученых-археологов Германии и России за пределами Российской империи до 1917 г. Вначале делается краткий экскурс в историю отечественной археологической и исторической науки, в становлении которой немалую роль сыграли немецкие ученые. Основная часть статьи посвящена взаимодействию российских и немецких археологов при исследовании территорий Османской и Китайской империй. В первом случае рассматриваются эпизоды научной и политической деятельности ученых в Палестине, Передней Азии и на Балканах. Особое внимание уделено взаимодействию Русского археологического института в Константинополе и Немецкого археологического института в Афинах. В заключение формулируются выводы относительно характера отношений немецких и российских ученых в Турции и Китае, на которые оказывало влияние политическое противостояние Германской и Российской империй в начале XX в. Анализируется деятельность Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Приводится ряд эпизодов, свидетельствующих о непростых отношениях российских и немецких экспедиций при изучении памятников Турфана и Кучи.

Ключевые слова: археология, политика, Германия, Россия, Османская империя, Китайская империя, Русский археологический институт в Константинополе, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии

Тесные связи между российской и немецкой исторической наукой насчитывают не одно столетие. Достаточно вспомнить членов Петербургской Академии наук, работавших в Санкт-Петербурге в XVIII в., таких как Г. З. Байер (1694–1738), Г. Ф. Миллер (1705–1783), А. Л. Шлёцер (1735–1809). Именно к Августу Людвигу Шлёцеру (после его отъезда из России) в Геттингенский университет ездили учиться русские студенты, в будущем известные слависты А. И. Тургенев (1784–1845) и А. С. Кайсаров (1782–1813).¹

В 1812 г. при участии немецких ученых, приехавших в Россию (в первую очередь Дитриха Кристофа (Христофора Филипповича) фон Роммеля (1781–1859) — профессора Марбургского университета, историка, последователя И. И. Винкельмана), при Харьковском университете было создано Общество наук — первое научное общество в России, в уставе которого

упоминалась археология. Благодаря содействию Иоганна Вольфганга Гёте, в университете преподавали профессора из многих городов Германии (Вюрцбурга, Виттемберга, Лейпцига, Геттингена, Франкфурта-на-Одере), укрепившие в местном обществе интерес к изучению археологических древностей. Как писал Х. Ф. Роммель, «семена классической древности были брошены на почву, не совсем бесплодную».²

Большой вклад в развитие археологии в России внесли потомки немецких переселенцев. Среди них следует отметить академика и директора отделения древностей Эрмитажа Генриха Карла Келера, оставившего ряд работ по классическим древностям, секретаря Археологической комиссии Петра Ивановича Лерха (1828–1884), известного своими исследованиями восточных древностей, а также памятников каменного и бронзового веков Европейской России. Недаром С. А. Жебелев считал, что «в области археологии, как и многих других наук, первый толчок к научным изысканиям дан был работавшими в России немецкими учеными».³

¹ См.: Лаптева Л. П. Рец. на: Славяноведение в Германии от истоков до 1945 г.: биогр. словарь. Баутцен, 1993 // Славяно-германские исследования. М., 2000. Т. 1, 2. С. 362.

*Смирнов Александр Сергеевич — д.и.н., в.н.с., Институт археологии РАН (г. Москва)
А. С. Смирнов ушел из жизни, но успел передать нам статью совсем незадолго до смерти — 18 февраля 2015 г.*

² Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьковском университете (1785–1815). Харьков, 1868. С. 55.
³ См.: Жебелев С. А. Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. I: История археологического знания. С. 136.

Российские и немецкие археологи работали совместно и за пределами Российской империи, более всего — в странах Востока, в том числе на Святой Земле, в Иерусалиме. По предложению помощника председателя Православного Палестинского общества В. Н. Хитрово, которое он высказал председателю Общества Великому князю Сергею Александровичу, раскопки «Русского места» вблизи храма Гроба Господня в 1883 г. были поручены «проживающему 40 лет в Иерусалиме и известному уже в Западной Европе своими трудами по археологии и топографии Иерусалима архитектору К. Шик, под наблюдением начальника Духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина».⁴ Речь идет об известном немецком ученом Конраде (Капрале) Шике (1822–1901), архитекторе Иерусалима и археологе.

К. Шик составил подробный план местности между восточной частью храма Воскресения и базарной улицей. Благодаря проведенным раскопкам, удалось определить направление второй обводной городской стены древнего Иерусалима, датированной о. Антонином 445 г. до н. э. Эти раскопки помогли установить месторасположение «порога Судных Врат» и «ворот Ефремовых» (как известно, «от городского рынка, через отысканный порог по Русскому месту, к воротам Ефремовых и через них за город шла Богошественная Крестная стезя» — часть пути Христа на Голгофу). Были обнаружены и другие важные древние сооружения и остатки зданий.⁵

Результаты исследований были опубликованы императорским Православным Палестинским обществом с подробными планами и детальными пояснениями К. Шика.⁶ Проведенные раскопки, хотя и явились последними систематическими дореволюционными российскими раскопками в Палестине, считаются исходной точкой сложения русской традиции изучения храма Гроба Господня.⁷ Сам К. Шик за участие в раскопках получил от российского правительства орден святого Станислава II степени.⁸

⁴ Хитрово В. Н. Собрание сочинений и писем: в 3 т. М., 2012. Т. 3: Из эпистолярного наследия. С. 160, 161.

⁵ Там же. Т. 1: Православие в Святой Земле. С. 272–277.

⁶ См.: Антонин (Капустин), архимандрит. Раскопки на Русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина начальника Иерусалимской духовной миссии // Православный Палестинский сборник. 1884. Вып. 7. (Т. 3, вып. 1).

⁷ См.: Беляев Л. А. Христианские древности. СПб., 2001.

⁸ См.: Россия в Святой Земле: Документы и материалы. М., 2000. Т. 1. С. 553.

В 1914 г. Московский археологический институт намеревался направить в Египет на средства княгини М. К. Тенишевой экспедицию под руководством профессора Мюнхенского университета барона Фридриха Вильгельма фон Биссинга (1873–1956) при участии его ученика, выпускника Московского археологического института Ф. В. Баллода, впоследствии известного советского археолога. К сожалению, Первая мировая война смешала эти планы.

Следует отметить, что российские археологи не всегда благожелательно воспринимали участие в исследованиях, а тем более административное главенство, немецких ученых. К примеру, Д. К. фон Роммель, спустя всего несколько лет после приезда в Харьков, вынужден был покинуть Россию из-за трений с местной властью.⁹

Против назначения Ф. В. Биссинга руководителем российской экспедиции в Египет резко возражал один из известных русских египтологов В. С. Голенищев, считавший унижением для отечественной науки приглашение «немца Биссинга в начальники русской (!) экспедиции».¹⁰

Еще более сложными оказывались взаимоотношения ученых, когда они преломлялись в действиях зарубежных научных учреждений обеих стран. Помимо научной конкуренции, эти отношения осложнялись политической конкуренцией России и Германии. Представители научного мира обеих империй прекрасно представляли возможности использования археологии и древней истории в политических целях.

Графиня П. С. Уварова, известный организатор российской археологической науки второй половины XIX — начала XX вв., в 1899 г. в конфиденциальном письме в Министерство народного просвещения, говоря о деятельности зарубежных археологических учреждений на международной арене, утверждала: «Особенного внимания заслуживает в этом отношении германский Восточный комитет (Orient-Comité)... История его образования и его деятельности ясно свидетельствует, что все это

⁹ См.: Пять лет из истории Харьковского университета... С. 100; Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / сост. профессорами Д. И. Багалеем, Н. Ф. Сумцовым и В. П. Бузескулом. Харьков, 1906. С. 34, 43.

¹⁰ Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912). М., 1987. С. 229, 230.

дело вызвано широким национальным движением в Германии и стремлением сравняться с другими народами в этой области, в особенности — с французами и англичанами».¹¹

Можно привести слова В. А. Городцова, с которыми он обращался к студентам в конце 1900-х гг.: «Что касается развития доисторической археологии в Германии и Австрии, то до 70-х гг. прошлого столетия (XIX в. — А. С.) оба этих государства ограничивались подражательными работами, заимствуя метод и теорию у датских, скандинавских и французских ученых. С семидесятых годов Германия, гордая успехами политической жизни, стремится завладеть первенством и в научной области. С этой целью германские археологи вступают в полемику со своими учителями, датчанами и французами, и ведут ее с заметным пристрастием. Из наиболее видных имен, потрудившихся в области германской первобытной археологии, можно указать на Вирхова, составлявшего оппозицию смелыми, но вполне основательными попытками заглянуть как можно дальше в глубь прошедшего человечества, Шлимана, более счастливого, нежели ученого исследователя Гиссарлика, Микен и Тиринфа, Дерпфельда, сподвижника Шлимана и продолжателя его работ, Курциуса, Фуртвенглера, исследовавшего развалины Олимпии, Линденшмидта и некоторых других».¹²

В 1894 г. в столице Оттоманской империи был создан Русский археологический институт в Константинополе (далее — РАИК) под руководством профессора Новороссийского университета Ф. И. Успенского. Институт был единственным российским археологическим учреждением за рубежами империи. Помимо исследовательских задач, он должен был способствовать укреплению российского влияния на Балканах, в частности путем конкуренции с деятельностью германских ученых. Эту же цель преследовали и российские дипломаты в Сиятельной Порте, внимательно следившие за деятельностью немецких археологов на турецких землях.

Отношения между сотрудниками РАИК и их германскими коллегами были вполне корректными. Императорский Немецкий археологический институт в Афинах направил по случаю открытия РАИК приветственное письмо,

в котором говорилось: «Мы с удовольствием узнали, что в круг различных ученых учреждений, совместно и дружественно работающих на Востоке в мирном соревновании, вступил также институт, основанный императорским русским правительством. Юному своему брату наш институт желает от всего сердца полного успеха и процветания... Со своей стороны мне не нужно уверять Вас, что Немецкий институт и впредь, как и раньше, с радостью будет содействовать в занятиях русским ученым, прибывающим в Афины».¹³ И это не было лишь проявлением вежливости. Как утверждал директор РАИК Ф. И. Успенский, отношения с немецкими учеными носили «особенно сердечный характер... г-н Дерпфельд, директор Немецкого института, остались верными своему общему отношению к русским ученым. Секретарю (РАИК — А. С.) было облегчено ознакомление с подробностями устройства подведомственных им учреждений, а с институтом установлен обмен изданиями».¹⁴ В библиотеку РАИК поступали книги и непосредственно из Германии, причем «по удешевленной цене», благодаря налаженным связям с немецкими «антикварными торговцами»¹⁵ и археографами, например с В. (Т.) Вигантом.¹⁶ Свои издания в библиотеку института присылал Тюбингенский университет.¹⁷

Представители РАИК во время своих визитов в Афины неоднократно посещали раскопки, проводимые Немецким институтом,¹⁸ а сотрудники последнего передавали фотографии находок российским коллегам, которые использовали их в своих работах.¹⁹ Ученые РАИК в статьях и выступлениях не раз отмечали заслуги немецких коллег в изучении древностей Балкан, но в особенности — Малой Азии.

Как знак уважения немецких ученых следует расценить принятие одними из первых в почетные члены РАИК в 1895 г. директора Немецкого археологического института в Афинах В. Дерпфельда, профессора Мюнхенского университета К. Крумбахера, директора Нумизматического музея в Готе доктора Берендта Пика. В 1897 г. в почетные члены

¹¹ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 207. Л. 11–120б.

¹² Городцов В. А. Первобытная археология: курс лекций, читанный в Московском археологическом институте. М., 1908. С. 26.

¹³ Известия РАИК. Одесса, 1896. Т. 1. С. 20, 21.

¹⁴ Отчет о деятельности Русского Археологического института в Константинополе в 1895 г. // Изв. РАИК. Т. 1. С. 35, 45.

¹⁵ Известия РАИК. С. 16.

¹⁶ См.: Отчет о деятельности ... в 1907 г. // Изв. РАИК. София, 1909. Т. 14. С. 163.

¹⁷ См.: Отчет о деятельности ... в 1906 г. // Изв. РАИК. Т. 14. С. 135.

¹⁸ См.: Отчет о деятельности ... в 1895 г. С. 34.

¹⁹ См.: Отчет о деятельности ... в 1909 г. // Изв. РАИК. София, 1911. Т. 15. С. 128.

РАИК избирают профессора Берлинской академии художеств Э. Доббера, в 1903 г. — профессора Йенского университета К. Гельцера, а незадолго до войны, в 1912 г., — директора королевских музеев в Берлине Т. Виганда.

Доктор философии Лейпцигского университета О. Ф. Вульф, родившийся в России, ставший впоследствии директором Отделения древнехристианских и византийских древностей Берлинского музея, а затем профессором Берлинского университета, был стажером РАИК в 1895–1899 гг.²⁰ Со своей стороны немецкие ученые в 1881 г. приняли в члены-корреспонденты Германского археологического института будущего члена РАИК В. К. Эрнштедта.²¹

Следует признать, что отношения с германскими коллегами ограничивались в основном книгообменом, встречами на конгрессах и посещением российскими учеными раскопок, проводимых Немецким институтом. Политическое напряжение между Российской и Германской империями, существовавшее с конца XIX в., не могло способствовать более тесным контактам.

Более доверительные отношения у РАИК установились с членами Французской школы, возглавляемой господином Теофилом Омолем, будущим директором Лувра. Французские специалисты не раз выступали на заседаниях Русского археологического института, чего нельзя сказать о немецких коллегах. Среди членов РАИК были французские ученые монахи-ассумпционисты Ж. Паргуар, Ж. Тибо, Л. Пти, неоднократно публиковавшие в изданиях института свои статьи.²² Более конфликтными были взаимоотношения в области археологии в Палестине. Как было сказано в «Известиях» РАИК, «археология здесь стала средством для оправдания политических и религиозных тенденций».²³

²⁰ См.: Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999. С. 128.

²¹ Там же. С. 124.

²² См.: Pargoire J. Anaple et Sosthéne // Изв. РАИК. София, 1898. Т. 3. С. 60–97; Idem. Les monastères de saint Ignace et les cinq plus petits îlots de l'archipel des Princes // Изв. РАИК. София, 1901. Т. 7, вып. 1. С. 56–91; Idem. Les saint-Mamas de Constantinople // Изв. РАИК. София, 1904. Т. 9, вып. 1/2. С. 261–316; Thibant J. Etude de Musique Byzantine // Изв. РАИК. София, 1898. Т. 3. С. 138–179; Idem. Etude de Musique Byzantine. La Notation de Koukouzélés // Изв. РАИК. София, 1898. Т. 6, вып. 2/3. С. 361–396; Petit L. Monodie de Théodore Prodrome sur Etienne Skylitzés métropolitain de Trébizonde // Изв. РАИК. София, 1902. Т. 8. С. 1–14; Idem. Typikon du monastère de la Kosmosotira près d'Ænos (1152) // Изв. РАИК. София, 1908. Т. 13. С. 17–77.

²³ Известия РАИК. Одесса, 1897. Т. 2. С. 32.

Российская дипломатическая служба внимательно следила за активностью германских археологов в пределах Османской империи, пытаясь использовать их деятельность для политических акций. Российский консул в Дамаске протестовал против действий немецких ученых, которые изъяли в одной из православных церквей без согласия священника «камень, представляющий, по-видимому, значительный интерес для археологии».²⁴

Активность немецких археологов вызывала постоянное беспокойство российских дипломатов. Как сообщал российский консул в Багдаде, «в конце прошлого февраля месяца в Багдад прибыли и немецкие археологи, намеревающиеся предпринять раскопки на руинах древнего Вавилона... Ныне прибывшая немецкая археологическая экспедиция состоит из 4 человек: начальника экспедиции, архитектора Гольдвее, и 3-х членов: г. Месснера, ревностного и знающего археолога, по специальности ассириолога, архитектора Андрэ и ориенталиста-любителя г. Мейера...²⁵ Материальные средства упомянутой экспедиции, доходящие на первое время до 75 000 марок, собраны путем частных пожертвований, в числе коих имеется и лепта императора Вильгельма II».²⁶ Позднее он же сообщал: «Немецкие археологи, утвердившиеся в 1899 г. в Вавилоне и немало уже вывезшие оттуда различных древностей в Германию, успели в настоящем году захватить в свои руки новое место для археологических изысканий, а именно развалины древней ассирийской столицы Элляссара... В нынешнем году султан предоставил право раскопок германскому императору Вильгельму II, который ввиду успешных открытий, сделанных уже немецкими археологами в Вавилоне, принял горячее участие в снаряжении новой германской научной экспедиции для производства работ...»²⁷

Сведения о работах немецких археологов поступали и от российского вице-консульства в Самсуне. В них сообщалось о прибытии «известного германского ученого-археолога, профессора Винклера».²⁸ Генеральный консул в Смирне информировал: «...первоначальная инициатива раскопок в Малой Азии за последнее время принадлежит германцам. Так,

²⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 571/2. Д. 4757. Л. 505–506.

²⁵ Возможно, консул имел в виду немецкого историка древности Эдуарда Мейера (Eduard Meyer).

²⁶ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/2. Д. 7120. Л. 13, 17.

²⁷ Там же. Ф. 180. Оп. 571/2. Д. 4757. Л. 533.

²⁸ Там же. Л. 539.

например, Берлинский музей потратил более 70 000 полуимпериалов на работы в Пергаме, откуда увезено в Берлин 1 500 ящиков, содержащих памятники классической эпохи древнегреческого искусства, в том числе трон царя Аталы, составляющий одно из украшений музея». Далее консул сообщал: «германцы вот уже 20 месяцев как работают под руководством археолога Wiegand в развалинах древнего Приена (городок эпохи Александра Великого) и издержали уже 12 000 полуимпериалов. Правда, взамен этого они открыли много интересного в научном отношении, и, между прочим, на днях они нашли 20-ю и 21-ю песни Илиады Гомера, текст коих отличается от известного нам сборника Александрийской школы. Наконец, германцы же в последние годы произвели раскопки в Magnesia sur Méandre, где восстановлен ими один из лучших храмов классической эпохи эллинского искусства».²⁹

Столь внимательное отношение российских дипломатов к деятельности немецких археологов на землях Османской империи объяснялось тем, что они видели в этом прежде всего один из способов утверждения авторитета Германской империи на Ближнем Востоке. Как писал консул в Смирне, «по поручению германского императора вскоре придут сюда два военных инженера с целью снять новый план окружающих местностей Пергама для предполагаемых там новых археологических работ, а быть может, и для работ, ничего общего с археологиею не имеющих».³⁰

В противодействие этому российские дипломаты неоднократно предлагали своему правительству осуществить различные научные акции по исследованию древностей Азиатской Турции, но безуспешно. В Передней Азии, в отличие от Балкан российские ученые, не смогли организовать постоянные масштабные археологические работы.

Другим российским научным учреждением, в рамках которого осуществлялись контакты между российскими и немецкими учеными на ниве зарубежной деятельности, был Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, образованный в 1903 г. при Министерстве иностранных дел. Его появление было связано интенсификации исследований исто-

рии и культуры народов Центральной Азии на рубеже XIX–XX вв., вызванной в первую очередь сенсационными открытиями российского ученого Д. А. Клеменца в 1898 г. в Восточном Туркестане.

Повышению интереса к исследованиям Центральной Азии способствовало включение в состав Российской империи среднеазиатских владений, что открыло европейским ученым краткий путь к ранее труднодоступным районам Восточного Туркестана. Российская дипломатическая служба имела разветвленную сеть своих представителей на территории Китайской империи, что делало участие России незаменимым при организации археологических работ в специфических условиях Центральной Азии.

Все эти обстоятельства привели к созданию в 1902 г. Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, центральным органом которого стал Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии.³¹

В состав Русского комитета входили известные российские востоковеды и археологи — С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, А. А. Бобринский, В. А. Жуковский, А. В. Григорьев. Председателем комитета был академик В. В. Радлов. Так как Русский комитет являлся «объединяющим центром деятельности и компетентным источником сведений по всем вопросам» Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии,³² в него входили и представители ряда европейских стран и США. Германию представляли индолог Рихард Пишель, тибетолог Альберт Грюнвальд, Э. Кук и Э. Лейман.³³

Главной целью Русского комитета было объединение усилий ориенталистов различных стран для исследования древностей, что могло бы «облегчить всем ученым, без различия национальностей, участие в предстоящей научной работе в районе действий комитета».³⁴

³¹ См.: Устав Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях // ИРКИСВА. СПб., 1903. № 1. С. 7.

³² Там же. С. 8.

³³ См.: Извлечения из протоколов XIII Международного конгресса ориенталистов в Гамбурге. 1902 г. // ИРКИСВА. СПб., 1903. № 1. С. 7.

³⁴ Устав Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях // ИРКИСВА. СПб., 1903. № 1. С. 10.

²⁹ Там же. Ф. 149. Оп. 502/2. Д. 7116. Л. 2–3.

³⁰ Там же. Л. 1–2.

В силу этого члены комитета неоднократно оказывали помощь зарубежным ученым в проведении экспедиций на землях Китайского Туркестана. В начале 1900-х гг. в данном регионе действовала Королевская прусская археологическая экспедиция. Ее участниками были сотрудники Этнологического музея в Берлине «профессор Грюнведель и г.г. фон Ле Кок, Бартус и Порт», а также консерватор того же музея доктор Георг Хут.³⁵ Из них наиболее часто к содействию комитета прибегал Альберт Грюнведель, сосредоточивший свои исследования на памятниках Турфана (1902–1903; 1904–1905 гг.), Комула, Кучи и Марабаши (1913–1914 гг.).

Немецкие экспедиции начали работы в Восточном Туркестане через четыре года после сенсационных открытий Д. А. Клеменца. В разработке первоначального плана исследований немецкой экспедиции принимали участие российские ученые, посетившие немецкую столицу в 1899 г. Как писал А. Грюнведель, «непосредственно после посещения Берлина русскими академиками В. В. Радловым и К. Г. Залеманом, а также путешественником по Турфану Д. А. Клеменцем» и была разработана программа действий.³⁶

Комитет способствовал своевременному проходу почты германских коллег и освобождению весьма объемных грузов немецких экспедиций от таможенных сборов и досмотра при провозе через территорию Российской империи.³⁷ Ежегодно в Берлин через российскую границу переправлялось до полусотни ящиков находок, а в 1907 г. их число достигло 139.³⁸ Всего было отправлено около 430 ящиков.³⁹

Иногда российские ученые предоставляли А. Грюнведелю материалы и находки своих исследований. «Некоторые предметы буддийского искусства из находок гг. Барадина и Жамцаранова переданы проф. Грюнведелю для издаваемой им работы и с разрешения бюро увезены им в Берлин», — отмечено

в протоколе заседания Русского комитета от 13 ноября 1903 г.⁴⁰

Ранее, в 1889 г., на Международной выставке в Париже А. Грюнведель впервые ознакомился с частью крупнейшего собрания буддийских изображений и ламаистских предметов культа, принадлежавшего российскому востоковеду, впоследствии члену Русского комитета князю Э. Э. Ухтомскому. В 1901 г. в Санкт-Петербурге немецкий ученый получил согласие князя на осмотр, обработку и публикацию всего собрания, в чем ему помогал академик С. Ф. Ольденбург.⁴¹ Эта публикация не потеряла своего научного значения и в наши дни.⁴² А. Грюнведель также опубликовал на страницах «Известий» Русского комитета несколько статей, в которых изложил результаты своих исследований в Восточном Туркестане.⁴³

Российские ученые с уважением относились к авторитету А. Грюнведеля и его знаниям в области ориенталистики. Он не раз выступал на заседаниях Восточного отделения Русского археологического общества и издал на страницах «Записок» отделения ряд своих статей.⁴⁴ Академик С. Ф. Ольденбург, предвзято одну из них, отметил: «...работы Грюнведеля, Березовского и Пеллио в Куче дадут, вероятно, богатый материал для выяснения истории среднеазиатского буддийского искусства».⁴⁵ Российский академик незадолго до своей экспедиции 1910 г. в Турфан и Кучу встречался с А. Грюнведелем.⁴⁶

Не оставались в долгу и немецкие коллеги. На заседании Русского комитета 7 октября 1906 г. было доложено «отношение директора Музея этнографии в Берлине... с приложением списка материалов по тунгусским

⁴⁰ Протокол заседания ... № IV 13 ноября 1903 г. СПб., 1904. С. 3.

⁴¹ См.: Грюнведель А. Обзор собрания предметов ламаистического культа князя Э. Э. Ухтомского. Ч. 1. Тексты. Ч. 2. Рисунки. СПб., 1905.

⁴² См.: Гурин В. Е. История формирования тибето-буддийских коллекций в музеях Санкт-Петербурга: дис... канд. культурологии. СПб., 2011. С. 4, 105, 134, 136.

⁴³ Грюнведель А. Несколько практических замечаний относительно археологических работ в Китайском Туркестане // ИРКИСВА. СПб., 1904. № 2. Прил. С. 20–29; Он же. Отчет об археологических исследованиях Турфана и его окрестностей. Ноябрь 1902 — февраль 1903 гг. // ИРКИСВА. СПб., 1904. № 3. С. 17–24.

⁴⁴ Грюнведель А. Сцены из жизни Будды в «Трай-пуме» // Зап. Вост. отд-ния Русского археологического общества. СПб., 1904. Т. VI. С. 75, 76.

⁴⁵ Грюнведель А. Краткие заметки о буддийском искусстве в Турфане // Зап. Вост. отд-ния Русского археологического общества. СПб., 1908. Т. 18. С. 68.

⁴⁶ Грюнведель А. Несколько практических замечаний... С. 20–29; Он же. Отчет об археологических исследованиях Турфана... С. 17–24.

³⁵ АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 125. Л. 18, 68.

³⁶ Цит. по: Литвинский Б. А. Труды Альберта фон-Лекока по древней культуре Восточного Туркестана // Народы Азии и Африки. 1981. № 4. С. 187, 188.

³⁷ См.: Протокол заседания Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях № 1 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 6; № III 27 сентября 1903 г. СПб., 1903. С. 4, 5; № IV 7 апреля 1905 г. СПб., 1905. С. 2.

³⁸ АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 125. Л. 80.

³⁹ Литвинский Б. А. Изучение древней истории и культуры Восточного Туркестана в отечественной и зарубежной науке // Народы Азии и Африки. 1982. № 1. С. 73.

наречиям, собранных покойным доктором Хутом (Huth)⁴⁷ и переданных его женой, для доставления комитету». Российская сторона взяла на себя расходы по перевозке материалов в Петербург⁴⁸ и в декабре 1906 г. эти материалы были направлены из Берлина в Санкт-Петербург.⁴⁹

Содружество российских и немецких ученых в деле изучения истории и культуры Центральной Азии было весьма плодотворным. В качестве примера можно привести труды С. Ф. Ольденбурга и А. Грюнведеля, которые послужили выделению тибетского искусства как самостоятельного объекта исследования.⁵⁰ Значение работ А. Грюнведеля, его современника А. фон Лекока и многих других для мировой ориенталистики подчеркивается и современными российскими учеными.⁵¹

Но взаимодействие ученых не обходилось и без проблем. Особенно это касалось претензий на право исследования наиболее интересных памятников в районе Турфана и Кучи в Китайском Туркестане. Немецкие ученые считали, что имеют «исключительное право работать в местности между Турфаном и Кучей». Из Петербурга в консульство Урумчи даже была направлена депеша, в которой разъяснялось, что «Русский комитет отказался в пользу Германского только от исследований развала Идикут-шари».⁵²

Русский комитет предпринимал все возможные усилия, чтобы минимизировать подобные трения и, как правило, добивался успеха. На заседании 24 сентября 1905 г. «Д. А. Клеменц заявил... что во время пребывания в Санкт-Петербурге проф. А. Грюнведеля, командированного Германским комитетом в Восточ-

ный Туркестан, достигнуто полное соглашение по разграничению районов действия обеих экспедиций».⁵³ Правда, несмотря на действия Русского комитета, отдельные споры возникали и позднее.⁵⁴

Дискуссии разворачивались и по поводу методики полевых работ, при этом российские ученые предъявляли претензии к немецким коллегам. М. М. Березовский, один из членов экспедиции Г. Н. Потанина, посетивший в 1906 г. район работ прусской экспедиции, так изложил свое впечатление от увиденного: «Хотя Грюнведель и писал, что ими «оставлены многие наилучшие пещеры невредимыми», но это не так. Минуй, можно сказать, вывернут немцами наизнанку, так, как это можно сделать, работая почти три месяца с 15–20 рабочими ежедневно. Возможны, конечно, кое-какие находки и теперь, но это дело чистого случая».⁵⁵

Это впечатление не изменилось и в последующие годы. С. М. Дудин, член экспедиции С. Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг., после визита в Турфан записал: «Все эти места были посещены немцами, но работали они плохо, больше грабили, чем изучали. В их показаниях много ошибок и нелепостей».⁵⁶ Да и сам С. Ф. Ольденбург критически высказывался о методах работы немецких коллег, особенно А. фон Лекока: «Специальные музейные цели, отсутствие специальной подготовки, нет съемки, ограниченные фотографии... Характерно при этом, что он не знал, что именно сделано французами».⁵⁷

Взаимное недовольство российских и немецких ученых, которое, однако, не выходило за рамки академической вежливости, по всей видимости, объясняет то, почему А. Грюнведель после 1904 г. не опубликовал в «Известиях» Русского комитета ни одной статьи.

Несмотря на тесные связи между российскими и германскими учеными в изучении истории и культуры Центральной Азии, следует признать, что у русских ориенталистов были более доверительные отношения с французскими коллегами, как и ранее при изучении древних памятников в Османской империи.

⁴⁷ Хут, Георг (1867–1907) — немецкий востоковед. Летом 1897 г. доктор Георг Хут совершил экспедицию к енисейским тунгусам, но до своей смерти он успел опубликовать лишь немного из своих лингвистических сборов: четыре песни и четыре шаманских молитвы. (См.: Huth G. Die tungusische Volksliteratur und ihre ethnologische Ausbeute // Изв. Импер. Акад. наук. 1901. Октябрь. Т. 15, № 3. С. 293–316. После его кончины собранные им материалы по тунгусским наречиям были переданы его вдовой из Берлинского Этнографического музея в распоряжение Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

⁴⁸ Протокол заседания ... № IV 7 нояб. 1906 г. СПб., 1906. С. 4.

⁴⁹ Протокол заседания ... № I 3 фев. 1907 г. СПб., 1907. С. 3.

⁵⁰ См.: Курасов С. В. Искусство Тибета (XI–XX вв.) как единая художественная система: иконология и язык образов: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2014. С. 30, 31.

⁵¹ Литвинский Б. А. Проблемы древней истории и культуры Восточного Туркестана в отечественной и зарубежной науке // Народы Азии и Африки. 1982. № 1. С. 69–78; Он же. Труды Альберта фон-Лекока по древней культуре Восточного Туркестана // Народы Азии и Африки. 1981. № 4. С. 187–193; Курасов С. В. Указ. соч. С. 30, 31.

⁵² Протокол заседания ... № I 29 января 1905 г. СПб., 1905. С. 3.

⁵³ Протокол заседания ... № V 24 сент. 1905 г. СПб., 1905. С. 1.

⁵⁴ Протокол заседания ... № IV 7 окт. 1906 г. СПб., 1906. С. 5.

⁵⁵ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997. С. 358.

⁵⁶ См.: Назирова Н. Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992. С. 56.

⁵⁷ См.: Скачков П. Е. Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. СПб., 1993. Вып. 4. С. 316.

Достаточно вспомнить экспедицию П. Пеллио 1906–1907 гг., в составе которой были представители российской науки. В пещерах Кириша «Сым-Сым» французская экспедиция работала совместно с экспедицией русского исследователя М. М. Березовского.⁵⁸ Более того, французский ориенталист, помимо своих научных задач, выполнял и конфиденциальные поручения российского Военного министерства.⁵⁹ В 1914 г. была создана совместная российско-французская экспедиция под руководством Р. Готье и И. И. Зарубина.⁶⁰

Таким образом, в начале XX в. за пределами России происходило достаточно активное взаимодействие между российскими и немецкими археологами, в основном на территории Османской и Китайской империй. Правда в эти годы отношения между Петербургом и Берлином были напряженными, что в определенной степени отражалось и в области археологии. Это проявлялось в дипломатической деятельности, когда официальные представители обоих государств пытались использовать науку о прошлом как политический инструмент для утверждения своего авторитета на территории той или иной страны.

Со своей стороны, ученые России и Германии стремились к гармонизации научных исследований. Их деятельность была менее подвержена политической мотивации. Однако и в этом случае проявлялась определенная специфика в отношениях, определявшаяся авторитетом национальной науки в той или иной области и политической ситуацией в Европе.

При изучении древних памятников на территории Турции во взаимоотношениях российских и немецких ученых проявлялась взаимная благожелательность. Представители немецкой науки, хотя и в единичных случаях, участвовали в российских раскопках в Иерусалиме. Но в большинстве случаев контакты ученых обеих стран были формальными (обмен научными изданиями, взаимное избрание ученых в члены национальных учреждений и т. п.). Полноценное научное взаимодействие практически отсутствовало. В изданиях РАИК статей немецких ученых нет.

⁵⁸ См.: Назирова Н. Н. Указ. соч. С. 51.

⁵⁹ См.: Смирнов А. С. Власть и организация науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М., 2011. С. 355–358.

⁶⁰ СПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 432. Л. 118–120; Люстерник Е. Я. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // Народы Азии и Африки. 1975. № 3. С. 229.

Российские ученые и дипломаты признавали гораздо больший масштаб и приоритет исследований немецких археологов в Передней Азии. Русские историки были в те годы сосредоточены преимущественно на византиноведении и изучении Балкан, что менее привлекало немецких археологов. Сферы деятельности научных представителей России и Германии в этой части Евразии были различны.

В Восточном Туркестане сложилась иная ситуация. Здесь интересы обеих стран касались одной территории. Российские ученые сознавали свое лидирующее положение в научной ориенталистике. Признание этого факта проявилось в решениях Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии, отдавшего Русскому комитету главную роль в организации исследований. Российские ученые, не умаляя заслуг и прав немецких коллег, отстаивали свои позиции.

Взаимодействие между российскими и немецкими востоковедами на ниве исследований в Центральной Азии было более полноценным, чем в Турции, и ориентировано на решение практических проблем. Это касалось не только организации экспедиционных работ. Имел место обмен научными материалами и результатами исследований. Представители Германии публиковали свои труды в российских изданиях. Но была и определенная отчужденность между учеными обеих стран, что более отчетливо проявилось в период исследований в Китайском Туркестане в 1900-х гг., когда на горизонте появлялись первые признаки грядущей Мировой войны.

Российские ученые за пределами империи имели более тесные связи с учеными Франции — союзницы России в системе европейских военно-политических блоков, — нежели с членами научного сообщества Германской империи Вильгельма II.

С началом Первой мировой войны отношение к германской исторической науке в России стало во многом отрицательным. Достаточно вспомнить брошюру профессора Харьковского университета В. П. Бузескула «Современная Германия и немецкая историческая наука». В ней автор упрекал «опрусаченных» немецких историков в том, что они поставили историю на службу политике и обвинял их в национализме и славянофобстве.⁶¹

⁶¹ Бузескул В. П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. К происхождению современной германской идеологии. Пг., 1915. С. 5–7, 36–44, 60–61.

Alexander S. Smirnov

Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: *assmirnov@mail.ru*

**RUSSIA–GERMANY COOPERATION IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH
AT THE TURN OF THE 20th CENTURY OUTSIDE OF THE RUSSIAN EMPIRE**

The article describes Russian and German involvement in archaeological research projects outside of the Russian Empire before 1917. The paper starts with a brief overview of the history of Russian archaeological and historical research, a significant contribution to the development of which was made by the German scholars. Greater part of the article is the description of interaction between the Russian and German scholars in research projects in the territories of the Ottoman and Chinese Empires. In the first case the author referred to episodes of academic and political activities of researchers in Palestine, Western Asia and the Balkans. A particular attention was paid to cooperation between the Russian Archaeological Institute in Constantinople and the German Archaeological Institute in Athens, and the work of the Russian Committee for Central and Eastern Asia Studies. The author described a number of episodes illustrating some tensions in the relationships between the Russian and German expeditions studying the Turfan and Kucha sites. The authors made certain conclusions about the nature of the relationships between the Russian and the German scholars in Turkey and China influenced by political tension between the German and the Russian Empires at the turn of the 20th century.

Key words: *archaeology, politics, Germany, Russia, Ottoman Empire, Chinese Empire, Russian Archaeological Institute in Constantinople, Russian Committee for Exploring the Central and the Eastern Asia*

REFERENCES

- Basargina E. Yu. *Russkiy arkhologicheskiy institut v Konstantinopole* [Russian Archaeological Institute in Constantinople]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 1999, 245 p. (in Russ.).
- Belyaev L. A. *Khristianskie drevnosti* [Christian antiquity]. St. Petersburg: Aletyya Publ., 2001, 576 p. (in Russ.).
- Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX veka do 1917 goda* [The history of Russian Oriental Studies from the middle of the XIX century until 1917]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1997, 536 p. (in Russ.).
- Khitrovo V. N. *Sobranie sochineniy i pisem* [Works and letters]. Moscow: Izdatelstvo Olega Abyshko Publ., 2012, Vol. 3, 320 p. (in Russ.).
- Litvinskiy B. A. *Problemy drevney istorii i kultury Vostochnogo Turkestana v otechestvennoy i zarubezhnoy nauke* [Problems of ancient history and culture of East Turkestan in domestic and foreign science]. *Narody Azii i Afriki – The peoples of Asia and Africa*, 1982, no. 1, pp. 69-78. (in Russ.).
- Litvinskiy B. A. *Trudy Alberta fon-Lekoka po drevney kulture Vostochnogo Turkestana* [Works Alberta von-Lekoka on ancient culture of East Turkestan]. *Narody Azii i Afriki – The peoples of Asia and Africa*, 1981, no. 4, pp. 187-193. (in Russ.).
- Lyusternik E. Ya. *Izuchenie drevney istorii i kultury Vostochnogo Turkestana v otechestvennoy i zarubezhnoy nauke* [Studying of ancient history and culture of East Turkestan in national and foreign science]. *Narody Azii i Afriki – The peoples of Asia and Africa*, 1975, no. 3, pp. 224-232. (in Russ.).
- Nazirova N. N. *Tsentrálnaya Aziya v dorevolutsionnom otechestvennom vostokovedenii* [Central Asia in the pre-revolutionary domestic oriental studies]. Moscow: Institut vostokovedeniya AN Publ., 1992, 191 p. (in Russ.).
- Skachkov P. E. *Russkaya Turkestanskaya ekspeditsiya 1914-1915 gg.* [Russian Turkestani expedition of 1914-1915]. *Peterburgskoe vostokovedenie – Petersburg Oriental*, 1993, no. 4, pp. 313-320. (in Russ.).
- Smirnov A. S. *Vlast i organizatsiya nauki v Rossiyskoy imperii (ocherki institutsionalnoy istorii nauki XIX – nachala XX veka)* [The power and the organization of science in the Russian Empire (sketch of the institutional history of science XIX – early XX century)]. Moscow: Institut arkheologii RAN Publ., 2011, 592 p. (in Russ.).
- Zhebelev S. A. *Vvedenie v arkheologiyu* [Introduction to archaeology]. Petrograd: Nauka i shkola Publ., 1923, Part 1, 172 p. (in Russ.).